

Янь Чжисин перевёл взгляд на развернувшуюся перед ним картину.

В неверном свете фонарей мерцала водная гладь бассейна. На плитах, скорчившись на коленях, сидел насквозь промокший Шэнь Яо. На его бледной шее горел багровый след от удушения, а с намокших волос за воротник непрестанно стекала вода. Сейчас он казался невероятно хрупким, беззащитным — словно изящная стеклянная фигурка.

Поверженного омегу крепко держал за предплечье склонившийся над ним альфа, вынуждая Шэнь Яо запрокинуть голову и смотреть прямо в лицо полупреклонившего колени Гуань Шу.

Гуань Шу придвинулся к нему почти вплотную. Его одежда тоже промокла насквозь, но в каждом движении и яростном взгляде сквозило такое подавляющее превосходство, будто он в любую секунду готов был снова вцепиться несчастному в горло.

Сцена дышала опасным напряжением; одного взгляда хватало, чтобы понять, какая буря разыгралась здесь мгновение назад.

Увиденное отозвалось в душе Янь Чжисина глухим раздражением. Шэнь Яо не принадлежал ему безраздельно, и всё же сейчас он оставался его омегой. Янь Чжисин не любил его, но твёрдо считал своей собственностью — единственным омегой, на которого имел право заявить права.

Помощник Чэнь Шуан слишком хорошо знал собственнический и деспотичный нрав своего господина, а потому, даже укрывая Шэнь Яо зонтом, не смел коснуться его и пальцем.

Лицо Янь Чжисина сковал ледяной холод. Скользнув взглядом по руке Гуань Шу, он задержал взор на багровом следе на шее Шэнь Яо и неторопливо, со стальной угрозой в голосе произнёс:

— Гуань Шу, тебе не кажется, что пора отпустить его?

Гуань Шу глухо, презрительно усмехнулся, и в его глазах вспыхнула ещё более тёмная, дикая ярость. Игнорируя Янь Чжисина, он продолжал в упор рассматривать Шэнь Яо.

Однако, заметив багровые полосы на бледной шее, Гуань Шу невольно сощурился, и душивший его гнев немного отступил. Он знал, с какой силой сжимал пальцы. Это уродливое клеймо, оставленное его собственной рукой, выглядело на хрупком теле пугающе ярко.

Шэнь Яо заходился в глухом, непрекращающемся кашле. Его глаза повлажнели, а стекающие по щекам капли воды легко можно было принять за настоящие слёзы.

Запрокинув голову, он посмотрел на Гуань Шу затуманенным, подёрнутым дымкой взором. Голос, сорванный кашлем и попавшей в горло водой, звучал едва слышно, сипло:

— Гуань Шу...

Это имя соскользнуло с его губ так тихо, словно омега умолял о пощаде.

Гуань Шу мгновенно расшифровал этот тон. Шэнь Яо проявил покорность лишь ради одного — он молил не выдавать другому альфе тайну их прошлого. Словно сам Гуань Шу был лишь позорным, грязным пятном в его жизни, о котором не следовало упоминать.

В эту секунду Гуань Шу до безумия захотелось снова швырнуть его в ледяную воду.

"Какая непростительная мягкотелость, — с яростью подумал он. — Надо было придушить его так, чтобы он едва дышал. Посмотрел бы я тогда, как бы он заговорил".

Хватка на руке Шэнь Яо вновь ужесточилась. Гуань Шу процедил сквозь зубы, вкладывая в эти слова всю скопившуюся ненависть:

— Шэнь Яо!

Но омега лишь судорожно прижал ладонь к губкам, содрогаясь в новом приступе кашля. Его лицо сделалось совсем белым, будто из него выкачали всю кровь.

Он бессильно опустил голову, и взору Гуань Шу открылась чувствительная железа на затылке — та самая, на которой красовался след временной метки Янь Чжисина. Пожизненной метки, которую когда-то оставил здесь сам Гуань Шу, давно не существовало. Операция прошла успешно: хирурги не оставили и малейшего шрама.

Гуань Шу неотрывно, с болезненным ожесточением всматривался в эту чистую кожу. Мысль о том, сколько страданий и вреда организму омега приносит процедура удаления метки, заставила его пальцы невольно разжаться.

Их общая история была сплошным кошмаром, нескончаемым кругом взаимных терзаний, где в финале оба истекали кровью. Если этот человек безжалостно выжег из своего тела его пожизненную метку, то в этом мире для него вообще не осталось ничего святого.

Возможно, дело было в яростной разрядке у бассейна, возможно — в их удушающем, сумасшедшем поцелуе, а может, Гуань Шу просто не выдержал жалкого вида поверженного врага, но его пальцы окончательно соскользнули с плеча Шэнь Яо.

В то же мгновение Янь Чжисин перехватил его запястье и резко отшвырнул чужую руку прочь. Сделав шаг вперёд, он заслонил собой Шэнь Яо, оттесняя прокурора.

— Господин прокурор, если вы нездоровы, настоятельно рекомендую обратиться в лечебницу,

— ледяным тоном произнёс Янь Чжисин. — А не бросаться на чужих омег.

Гуань Шу медленно выпрямился, наконец отведя взгляд от Шэнь Яо. Мужчины были примерно одного роста и теперь стояли лицом к лицу, меряясь холодными взглядами.

Он окинул соперника оценивающим, презрительным взглядом.

"Надо же, как сильно Шэнь Яо дорожит этим альфой, — подумал он. — Аж на колени передо мной готов встать, лишь бы этот высокомерный ублюдок не узнал о нашей связи. Но ценит ли его сам Янь Чжисин?"

Его горло сдавило судорогой. Уголок губ Гуань Шу дёрнулся в издевательской усмешке:

— Янь Чжисин, а тебя совсем не заботит, что у твоего омеги шея синеет прямо на глазах?

Этот надменный чурбан даже не смотрит на него с нежностью. Ради такого холодного эгоиста Шэнь Яо растоптал их любовь? Какая же дешёвая, продажная тварь.

"Мне плевать на него, — твердил себе Гуань Шу. — Всё в прошлом. Любви больше нет. Я хочу лишь одного — видеть его в канаве. Пусть пресмыкается перед своим господином, пусть верит в иллюзию счастья, пока тот не выбросит его, как надоевшую игрушку. Пусть на собственной шкуре узнает, каково это — когда твою душу топчут сапогами".

— Это моих рук дело, — равнодушно бросил Гуань Шу, кивнув на шею омеги. — И знаешь... когда я сжимал пальцы, он так сладко хрипел от боли.

Насыщенно-синие глаза Янь Чжисина потемнели, словно грозовое небо. Между этими двоими явно тянулся длинный шлейф старых счётов. От Гуань Шу за версту несло жгучей, ядовитой ненавистью к Шэнь Яо, однако сквозь этот панцирь проступало и нечто иное — глубокое, болезненное чувство, природу которого Янь Чжисин не мог до конца разгадать.

Слишком давно никто не осмеливался разговаривать с ним в подобном тоне. И всё же в мыслях Янь Чжисина против воли всплыл образ тёмных следов на шее Шэнь Яо — на бледной коже они смотрелись почти порочно, словно увядающие лепестки дикого цветка. По идее, ему должно быть всё равно, пострадал этот омега или нет. Но внутри крепло глухое, властное неприятие: на теле Шэнь Яо не смели оставаться чужие следы. Ничьи, кроме его собственных.

Его черты заострились, а в голосе зазвенел металл:

— Хочешь примерить эту боль на себя?

Воздух между альфами заискрился с такой силой, что, казалось, через секунду завяжется драка.

— Гуань Шу!

Запыхавшийся Лу Тинсинь прибежал как раз в самый напряжённый момент. Похолодев от ужаса, он подскочил к другу и мёртвой хваткой вцепился в его плечо.

— Пусти, — Гуань Шу раздражённо дёрнул плечом, даже не повернув головы. — Какого чёрта ты меня держишь?

Янь Чжисин нахмурился. До него внезапно дошло, насколько нелепо и по-детски выглядит эта стычка. Решив больше не тратить время на прокурора, он развернулся к Шэнь Яо.

Порыв сырого ночного ветра заставил Шэнь Яо вздрогнуть. Он стоял бледный, потерянный — Янь Чжисин никогда ещё не видел его в таком жалком состоянии. Омеги по природе своей хрупки; посиди он здесь ещё немного на холодном ветру, и лихорадка ему обеспечена.

Как истинный наследник благородного семейства, Янь Чжисин не забыл о хороших манерах. Он снял свой пиджак и, набросив его на плечи омеги, спросил, глядя сверху вниз:

— Шэнь Яо, идти сможешь?

Тот плотнее закутался в дорогую шерстяную ткань. Пиджак по-прежнему не пах феромонами альфы — лишь едва уловимым, сухим ароматом дорогого парфюма с древесными нотами. Силы у Шэнь Яо, конечно, были, но он лишь слабо взглянул на покровителя снизу вверх и тихо, с хрипом выдохнул:

— Нет.

Янь Чжисин снова недовольно нахмурился, но спорить не стал. Склонившись, он подхватил омегу под спину и колени, легко отрывая от мокрой земли.

Мокрая одежда Шэнь Яо тут же пропитала его собственную рубашку холодной влагой. Янь Чжисин скользнул взглядом по лицу своей ноши. Нарочито держа руки подальше от его израненной шеи, он нёс Шэнь Яо к выходу. Этот измученный, болезненный вид омеги вызывал странные чувства: то ли Шэнь Яо наконец-то стал казаться ему чуточку милее, то ли, наоборот, раздражал ещё сильнее, чем обычно.

— Шэнь Яо, — негромко, так, чтобы слышал только он, произнёс Янь Чжисин, направляясь к воротам и напоследок наградив Гуань Шу ледяным прощальным взглядом. — С тобой одни неприятности.

Омега снова тихо закашлялся, утыкаясь лбом в его плечо, и пробормотал:

— Что поделать... Я не нарочно.

Лу Тинсинь с облегчением проводил взглядом удаляющуюся пару, но хватку не ослабил — мало ли что взбредёт в голову этому безумцу. Он чувствовал, как тактильный контакт передаёт бешеное напряжение друга: кулаки Гуань Шу сжались так, что побелели костяшки, а мышцы рук натянулись как струны. Бросив короткий взгляд на его профиль, Лу Тинсинь вздрогнул. На лице прокурора застыла дикая, почти звериная гримаса; он до скрежета сжал зубы, буравя взглядом пустую дорожку, где только что скрылись силуэты.

— Отпусти, — глухо бросил Гуань Шу, стряхивая его руку. — Думаешь, если бы я действительно хотел пойти туда, ты бы меня удержал?

Лу Тинсинь лишь потёр нос и промолчал. Лезть на рожон сейчас было чистым самоубийством, поэтому он просто остался стоять рядом с ним у воды.

Гуань Шу поднял с земли свой прокурорский китель и накинул на плечи. Он принялся молча, пуговица за пуговицей, застёгивать его. Эта зловещая тишина пугала Лу Тинсиня куда сильнее любого крика. Наконец он не выдержал:

— Гуань Шу?

Ответа не последовало. Натянув китель, альфа развернулся и зашагал прочь. В его движениях сквозило то жутковатое затишье, которое обычно воцаряется после разрушительного урагана.

— Сдохнет он или выживет — мне плевать, — холодно бросил он на ходу. — Я давно ничего к нему не чувствую. На этом всё. Между нами поставлена точка.

Чэнь Шуан, ожидавший у машины, при виде хозяина с омегой на руках на секунду опешил, но тут же взял себя в руки. Он торопливо распахнул заднюю дверцу и протянул Шэнь Яо сухое махровое полотенце, всегда лежавшее в салоне про запас.

Тихо поблагодарив, Шэнь Яо принялся вытирать лицо. Помощник бросил вопросительный взгляд в зеркало заднего вида и, получив едва заметный кивок босса, включил обогрев на полную мощность.

Они и в лучшие времена не отличались словоохотливостью, а если и вели беседу, то говорил в основном Шэнь Яо. Теперь же, когда омеге было откровенно не по себе, в салоне воцарилось тяжёлое молчание. Наконец Янь Чжисин нарушил тишину, ровным тоном констатируя факт:

— Вы с Гуань Шу знакомы.

Рука Шэнь Яо, прижимавшая полотенце к щеке, на мгновение замерла. Разумеется, любой зрячий человек сразу бы понял, что их связывает нечто большее, чем шапочное знакомство. Гуань Шу слишком бурно реагировал, слишком явно обнажал их общее прошлое, не оставляя пространства для маневра.

Вспомнив свою прежнюю ложь Янь Чжисину, Шэнь Яо почувствовал укол тревоги — неужели тот догадался? Омега осторожно ответил:

— Мы учились в одной старшей школе.

Тяжёлый, пронизательный взгляд альфы, казалось, препарировал его душу. Шэнь Яо внутренне подобрался, лихорадочно выстраивая в голове цепочку оправданий, но следующие слова покровителя заставили его расслабиться.

— Он действительно тебя ненавидит, — ровно произнёс Янь Чжисин, не сводя глаз с багровеющих пятен на его шее. — Он желает тебе смерти.

Шэнь Яо коснулся кончиками пальцев израненного горла. Губы невольно дрогнули в беззвучной, горькой усмешке. Теперь он был уверен на все сто процентов: Янь Чжисин никогда в жизни никого не любил. Он был абсолютно слеп в вопросах человеческих чувств. Наблюдать такую сцену и сделать вывод, что Гуань Шу им движет лишь банальная ненависть... Какая наивность.

— Да, — Шэнь Яо снова тихо, натужно закашлялся. Его осипший голос звучал вкрадчиво и слабо: — Он искренне меня презирает. И спит и видит, как бы стереть меня с лица земли. Вот почему мне приходится прятаться. Ты ведь защитишь меня от него?

— Пока действует наш контракт, — отозвался Янь Чжисин с деловитостью расчётливого, но щедрого коммерсанта. — Если он снова посмеет к тебе притронуться, я решу этот вопрос.

Шэнь Яо лишь понимающе улыбнулся и перевёл взгляд на стекло. Однако, заметив за окном незнакомый пейзаж, удивлённо спросил:

— Куда мы едем? Это не дорога к моему дому.

— В загородную усадьбу, — прикрыв глаза, сухо ответил альфа.

— Зачем? — в голосе Шэнь Яо проскользнуло искреннее недоумение. — Ты ведь только вчера оставил мне временную метку. Я хочу вернуться к себе.

Янь Чжисин нехотя разомкнул веки и холодно парировал:

— Тебе не кажется, что тебя должен осмотреть врач?

— В этом нет нужды, — Шэнь Яо аккуратно сложил полотенце. — Мне просто нужно смыть с себя эту грязь и лечь в постель. К утру всё пройдет.

— Как знаешь, — процедил Янь Чжисин. Получать отказы на свои редкие жесты заботы он не любил. — Разворачивайся, — бросил он водителю. — Отвези его домой.

Уже когда машина притормозила у подъезда и Шэнь Яо потянулся к ручке двери, Янь Чжисин бросил ему в спину:

— И отмой руки, Шэнь Яо. И пока эти уродливые следы на твоей шее не сойдут, можешь мне не звонить.

— Хорошо, — послушно и мягко отозвался омега, скрываясь в ночной темноте.

В это время Лу Тинсинь ехал к своей квартире. Телефон лежал на соседнем сиденье, включённый на громкую связь. Он обсуждал дела с Гуань Шу:

— Похоже, с той контрабандой возникли накладки. Через пару дней тебе нужно будет съездить в порт и перехватить...

Он осёкся на полуслове. Фары автомобиля выхватили из темноты одинокую фигуру Шэнь Яо, медленно бредущего к дверям своего подъезда. В резком свете его лицо казалось мертвенно-бледным, губы полностью лишились красок, а каждый шаг давался ему с видимым трудом.

Не дождавшись продолжения, Гуань Шу на том конце провода недовольно спросил:

— Алло? Что там зависло?

— Да нет, ничего, — Лу Тинсинь поспешно заглушил рвущийся вздох жалости. — Так вот, насчёт порта...

Однако интуиция военного никогда не подводила Гуань Шу. Он резко оборвал друга:

— Кого ты там увидел?

Меньше всего Лу Тинсинь хотел, чтобы тот снова влез в эту трясику по имени Шэнь Яо.

— Да так, кошка дорогу перебежала... — соврал он.

— Не держи меня за идиота, — в трубке послышался характерный металлический щелчок: Гуань Шу сидел в темноте и лениво щёлкал зажигалкой, то и дело выпуская оранжевый язычок пламени. — Что ты там увидел?

Лу Тинсинь недолго молчал, после чего тяжело, обречённо вздохнул:

— Шэнь Яо это. Один возвращается. Выглядит... честно сказать, паршиво.

Пламя вновь вырвалось из зажигалки, отражаясь в антрацитово-чёрных глазах альфы и выхватывая из темноты половину его лица. На этот раз он не отпустил рычажок, заставив огонёк гореть ровно и долго.

"Один? Почему один? Разве этот его драгоценный Янь Чжисин не увёз его с собой?"

Память предательски подсунула воспоминания о слабом здоровье Шэнь Яо. Ещё в школе тот умудрялся подхватывать простуду от малейшего сквозняка, и Гуань Шу приходилось вечно воевать с ним, заставляя кутаться в тёплые вещи. А сегодня... сначала ледяная вода бассейна, затем сырой ночной ветер. Пусть на дворе и лето, для его изнеженного организма этого более чем достаточно, чтобы слечь с сильнейшей лихорадкой.

— Где ты его видел? — сорвалось с губ Гуань Шу прежде, чем он успел подумать.

На том конце повисла тяжёлая пауза. Наконец Лу Тинсинь тихо назвал адрес и с тревогой добавил:

— Только не говори мне, что ты собираешься туда ехать.

Осознав свою оплошность, Гуань Шу ожесточённо скривился и без лишних слов нажал на кнопку отбоя, успев лишь бросить:

— И не подумаю. Я же сказал — он для меня мёртв.

Отшвырнув зажигалку на столик, он бессильно откинулся на спинку дивана. В неосвещённой комнате царил полумрак, сквозь который едва угадывались очертания мебели.

"У него теперь есть свой альфа, — злобно твердил себе Гуань Шу. — И если этому ублюдку плевать, дойдёт ли его омега живым до постели, с какой стати я должен переживать? Я ясно выразился: его жизнь меня не касается. Сдохнет он сегодня ночью в своей пустой квартире от жара — я и бровью не поведу. Сам виноват. Это был его выбор".

Но стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором вновь возникла его чистая, безжалостно выжженная шея. Та пожизненная метка была его единственным шансом привязать Шэнь Яо к себе навсегда, последней нитью, которую омега перерезал без малейшего колебания. Шэнь Яо предпочёл пройти через ад сложнейшей и болезненной операции по удалению связи, лишь бы не оставаться с ним.

От этих мыслей в душе должна была закипеть чистая, дистиллированная ненависть. Однако вместо неё всплыли медицинские факты: омега, перенёвшие удаление метки, навсегда теряют прежний иммунитет. Шэнь Яо и без того был болезненным, а теперь любая простуда могла обернуться для него реальной угрозой.

— Проклятье! — Гуань Шу резко сел на диване.

Схватив свежий комплект формы, он пулей вылетел из квартиры. Алкоголь всё ещё шумел в голове, поэтому садиться за руль он не стал — поймал у подъезда такси и хмуро бросил водителю адрес жилого комплекса. Его лицо было настолько хищным и мрачным, что таксист за всю дорогу не осмелился проронить ни слова. Гуань Шу упорно убеждал себя в том, что едет туда исключительно с одной целью — проверить, не подохла ли эта тварь.

Он знал только корпус, но понятия не имел, в какой именно квартире обосновался Шэнь Яо. Пользуясь своим прокурорским удостоверением, он заставил консьержа выдать данные, а затем принялся методично обходить этажи. Преодолев пешком больше десяти пролётов, он почувствовал, как участилось дыхание, а под кителем лопатки припекло липким потом.

Наконец он замер перед нужной дверью и резко постучал. Сначала за дверью царила мёртвая тишина. Гуань Шу уже решил, что ошибся или опоздал, и собирался уходить, как вдруг изнутри донёсся тихий щелчок замка. Дверь медленно отворилась.

На пороге стоял Шэнь Яо. На нём была просторная домашняя пижама, а на бледных щеках горел нездоровый, лихорадочный румянец. Заспанные, слегка припухшие глаза омега удивлённо расширились при виде незваного гостя.

В этот миг он выглядел точь-в-точь как в те школьные годы, когда они только познакомились. Сердце Гуань Шу предательски пропустило удар, пальцы судорожно вцепились в дверной косяк. Он уже открыл рот, собираясь что-то сказать, но...

...в этот самый момент из глубины квартиры донеслась навязчивая мелодия звонка. Шэнь Яо бросил взгляд на экран лежащего на тумбочке телефона, и Гуань Шу успел заметить высветившееся имя: «Янь Чжисин».

Вся хрупкая магия момента мгновенно испарилась, оставив после себя лишь горький привкус разочарования. Вся былая нежность показалась Гуань Шу нелепой, жалкой ошибкой.

— Что же ты не отвечаешь? — Гуань Шу бесцеремонно вставил носок форменного сапога в

дверной проём, не давая закрыть дверь, и издевательски прищурился. — Боишься при бывшем говорить со своим нынешним хозяином?

<http://bllate.org/book/18245/1748450>